

Для цитирования: Ковалев, А. А. Антропологическая безопасность в эпоху трансгуманизма / А. А. Ковалев // Социум и власть. — 2026. — Т. 23, № 1. — С. 76–87. — EDN KOXNUG.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

EDN KOXNUG
BAK 5.7.7
УДК 1:004

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ТРАНСГУМАНИЗМА

Ковалев Андрей Андреевич,

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления —
филиал,
доцент кафедры государственного и муниципаль-
ного управления,
кандидат политических наук, доцент.
Санкт-Петербург, Россия.
SPIN 1380-8790
ORCID 0000-0002-7760-5732
Researcher ABN-1776-2022
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Технологические изменения последнего времени приобретают тотальный характер, поскольку затрагивают не только социальные структуры, но и саму природу человека, его биологические и ментальные начала. Тем самым возникает принципиально новая угроза безопасности, в результате воздействия которой возникает высокая вероятность утраты целостности человеческой природы. Это происходит под влиянием применения нейротехнологий, генной инженерии, биопротезирования и различных цифровых практик. Так возникает необходимость в разработке и изучении новой категории — антропологической безопасности, которая выходит за рамки биоэтики и направлена на защиту человека как вида, то есть биологической сути.

Цель исследования — раскрыть философское содержание антропологической безопасности, которая находится под влиянием таких нововведений современной эпохи, как трансгуманизм, и её значение для будущего общества.

Методы. В качестве методов исследования были использованы эволюционный подход, герменевтика, сравнительный метод, а также диалектический метод.

Научная новизна исследования. Настоящее исследование вносит вклад в развитие нового направления современной философской мысли — антропологической безопасности.

В работе рассматриваются новые риски и угрозы антропологической безопасности в условиях

трансгуманизма, а также изучаются возможности их преодоления, например, посредством институционализации антропологической безопасности.

Результаты. Мир новых технологий меняет человека, а трансгуманизм становится их прямым следствием. Поэтому перед современным человечеством объективно встаёт задача по формированию новой культуры взаимодействия между человеком и техникой, при этом исключается и их полное слияние, и тотальное неприятие происходящих закономерных изменений. В этой связи в работе рассматривается проблема обеспечения антропологической безопасности как способа организации поступательного и гармоничного развития человека в новых условиях и сохранения человеческого в человеке. Отмечается, что важным этапом в этом процессе является разработка и внедрение практических способов сохранения человека и всех аспектов его природы (физических, ментальных, психологических, культурных и пр.).

Выводы. При изучении проблемы антропологической безопасности в эпоху трансгуманизма отмечается, что её обеспечение должно быть поэтапным и комплексным и основываться как на институциональных инструментах, так и на неинституциональных. Ключевой целью обеспечения антропологической безопасности является сохранение единства человеческой природы и целостности самого человека. Тем самым человек, обладающий всеми атрибутами субъектности (разумом, ответственностью, достоинством и свободой), становится центральным звеном антропологической безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

природа человека,
угрозы,
трансгуманизм и постгуманизм,
сверхчеловек,
человек и техника,
институционализация,
этика

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 13.12.2025

Рецензии получены: 03.02.2026

Принята к публикации: 20.02.2026

Права: © Ковалев А. А. (2026).

Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

В начале XXI века влияние технологических изменений на процесс трансформации человека отмечается большей радикализацией, чем на предыдущих этапах модернизации. Это стало возможным, поскольку воздействиям подвергаются тело, нейрофизиологические процессы и способы переживания, а также пересматриваются критерии личной непрерывности и ответственности человека.

Человечество во все времена волновали вопросы преобразования человека, однако если до XXI века такие мысли и идеи существовали только в форме гипотез, то в настоящее время они активно перемещаются в область инженерных решений. В реализации подобных научно-технических инициатив помогает создание и использование таких нововведений, как нейроинтерфейсы, геномное редактирование, биопротезирование и цифровые практики сопровождения жизни.

Такой рывок в инженерной мысли и возможность реализовать принимаемые решения на практике представляются человечеству как исключительное благо, направленное на улучшение жизни во всех областях, от медицины и образования до внесения разнообразия в повседневный досуг. Однако с каждым годом всё явственнее проявляют себя риски, которые являются продуктом XXI века.

Итак, ключевой риск связан с подменой человеческих характеристик техногенными режимами жизни, где критерием допустимости существования становятся функциональная эффективность и контролируемость. При этом важно отметить, что и сами риски, и методы их определения/прогнозирования, и способы реагирования на них принципиально отличаются от традиционной модели. Так, современная наука склоняется к необходимости и важности дополнения классического инструментария прогнозирования степени рисковости технологий, предлагаемых трансгуманистами, этическим элементом [1]. Благодаря этому нововведению оценка степени разумности и целесообразности будет проводиться комплексно и более полно.

В каких сферах остро встаёт вопрос об этической приемлемости и практической целесообразности нововведений XXI века, связанных с новейшими технологиями? Так, возрастание значимости алгоритмов и биоинженерии меняет представления о норме и о границах медицинских процедур; серьёзно трансформируется правовая квалификация поступков человека, чьи природные функции частично заменены техническими средствами; возрастает зависимость от инфраструктур, находящихся в распоряжении государства и крупных компаний (центров силы и влияния); меняются распределение ответственности, доступ к технологиям и параметры социального неравенства; и пр.

Таким образом, в качестве объекта настоящего исследования выступает биоэтика, с помощью принципов которой проясняются вопросы согласия, безопасности процедур и границ эксперимента. Также важно отметить и такой уровень ответственности в рамках биоэтики, как охрана человека, представляющего собой носителя разума, свободы и нравственного долга. В связи с этим в статье рассматривается категория антропологической безопасности как самостоятельной сферы философии безопасности, в рамках которой обеспечивается охрана человека от утраты человеческой природы и перехода к постчеловеческим моделям, разрушающим гуманистический смысл культуры. Тем самым в настоящем исследовании рассматриваются практики трансгуманизма, которые представляют собой угрозу антропологической безопасности.

Цель исследования — раскрыть философское содержание и значение для будущего общества антропологической безопасности, которая находится под влиянием таких нововведений современной эпохи, как трансгуманизм.

Вопросы антропологической безопасности становятся одним из важнейших предметов исследования среди современных учёных. Ключевые идеи, положенные в основу антропологической безопасности, можно обнаружить в работах Хосе Ортеги-и-Гассета, который рассуждал о взаимодействии человека и техники и его ответственности за собственное существование, самотворение, поскольку, как утверждал философ, «у человека нет природы, но есть...история»¹. Также стоит указать работы таких отечественных и зарубежных исследователей, как А. М. Ильницкий, К. К. Колин, С. И. Чудинов, А. С. Чупров, Е. В. Щекотин, У. Бек, М. Дуглас, Д. Х. Прайс, которые изучают вопросы антропологической безопасности и методов её обеспечения.

Одним из наиболее авторитетных исследователей трансгуманизма является испанский философ Антонио Дьегес, который призывает взвешенно подходить к выбору дискурса, чтобы не пропагандировать обыкновенное шарлатанство под видом трансгуманистических идей². Идеи трансгуманистов можно дифференцировать на два вида: культурный трансгуманизм (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз) и научно-технический, связанный с внедрением искусственного интеллекта (К. Моравец, Р. Курцвейл, Н. Бостром) и биотехнологий (Дж. Савулеску, Дж. М. Чёрч).

В качестве методов исследования были использованы эволюционный подход, благодаря

¹ Ortega y Gasset J. Obras Completas (Complete Works, in Spanish). Madrid, Revista de Occidente. 2004. 577 p.

² Diéguez, A. Transhumanismo. La búsqueda tecnológica del mejoramiento humano. Barcelona, Herder. 2017. 243 p.

которому многосоставная природа человека была рассмотрена в качестве продукта эволюционного развития; герменевтика позволила проследить становление научного знания в сфере изучения трансгуманизма, взаимодействия человека и техники посредством истолкования контекстов формирования новых идей и рисков в прошлом и настоящем времени; сравнительный метод, при обращении к которому были приведены сходства и различия трансгуманизма и постгуманизма, а также материальной и духовной составляющих антропологической безопасности; диалектический метод как способ рассмотрения единства биологической и социальной природы человека.

Трансгуманизм и вызовы безопасности

В настоящее время актуализируется проблема осмысления эволюции человека. В первую очередь, это касается самого её определения и выявления её границ и особенностей. Неприятие абсолютности природы человека и отказ от антропоцентризма ставит перед человечеством новые вызовы, поскольку в основу нового знания ложится тезис антигуманизма, где человек более не является мерой всех вещей [14].

Учёные всё более убеждаются в том, что сохранение человека как вида в его первоначальном образе в мире новых технологий невозможно. Человек от биовида постепенно переходит к техновиду [18]. Однако важно осознавать, что эволюция человека — это не только улучшение и усиление его возможностей как биологического вида, но и совершенствование его социальной природы, ведь человек совмещает в себе как минимум две природы — биологическую и социальную, а ряд исследователей приводят ещё более сложную градацию. Например, П.И. Сидоров говорит о биопсихосоциодуховной составляющей природы человека [11]. Таким образом, развитие человека и его усовершенствование должны происходить не за счёт его слияния с техникой, которая будет брать на себя самые сложные задачи и функции, по сути, упрощая самого человека и делая его беспомощным самого по себе, а посредством усложнения и дальнейшего развития всех составляющих его природы, в первую очередь, это касается духовной сферы. Иными словами, сохранение человеческого в человеке и будет являться его истинной эволюцией.

Итак, о необходимости слияния человека и техники говорят трансгуманисты, для которых такое слияние получило название «сингулярности». Однако стоит отметить, что, по справедливому замечанию исследователей Т.В. Плотицкой и Е.В. Волоховой, «в философии сингулярность — момент, когда машины достигают такой степени, что превосходят людей и в некотором смысле образуют острее эволюции»

[10, с. 224]. Тем самым трансгуманизм как одно из современных направлений философии поднимает острые вопросы бытия человека, живущего в мире технологий, даже несмотря на то, что сам трансгуманизм не является ведущей или авторитетной философской теорией и интенсивно критикуется за продвигаемые идеи.

Трансгуманизм — это своеобразная нормативная программа технологического улучшения человека, в основе которой лежат достижения и принципы философии прогресса, биомедицины и инженерного мышления. Трансгуманизм обычно связывают с именем английского биолога-эволюциониста Джулиана Хаксли, благодаря которому термин был популяризирован ещё в 1957 году после выхода его книги под названием «Новые бутылки для нового вина» (New Bottles For New Wine)¹. В своём исследовании учёный выражает своё стойкое убеждение, что современный человек должен преодолевать собственные телесные (природные) ограничения при помощи современных научно-технологических решений. Его идеи были не только новыми и прорывными для своего времени, но и весьма радикальными, именно поэтому они столкнулись с серьёзной критикой.

На рубеже XX–XXI веков новое научное направление получает институциональное выражение в среде экстропианцев (Макс Мор и Том Морроу) и в инициативах, ассоциируемых с организацией Humanity+. Трансгуманизм признаёт преодолимость биологических ограничений — старения, болезней, пределов памяти и внимания, телесной уязвимости. В качестве средств по практической реализации таких инициатив рассматриваются генетические технологии, нейроинженерия, последние фармакологические разработки, протезирование, а также способы радикальной модификации когнитивных функций вплоть до переноса психических процессов на искусственные носители.

И если трансгуманизм направлен на улучшение человека, то есть на преодоление его естественных ограничений, то постгуманизм, появившийся только в конце XX века, призывает кардинально переосмыслить человека (его опыт, культуру и историю), при этом представители этого направления отказываются признавать человека венцом эволюции, отвергая тем самым принципы антропоцентризма. Так, постгуманизм складывается как отдельное направление в гуманитарных исследованиях под влиянием постструктурализма, science and technology studies (STS) и философии техники. К числу ключевых исследований относят работы Донны Харауэй², показавшей образ «ки-

¹ Huxley J. New Bottles For New Wine. London, Chatto & Windus. 1957. 318 p.

² Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х (эссе) / пер. А. Гараджа. М., Ад Маргинем Пресс. 2017. 127 с.

борга»; Кэтрин Хэйлс¹, критикующей традиционные представления о человеке в условиях доминирования информационных технологий; Розы Брайдотти² и Кэри Вульфа³, отвергающих принципы гуманизма в качестве доминирующих и пересматривающих основания антропоцентризма. Постгуманизм сосредоточен на критике исключительного статуса человека, переоценке критериев нормальности, а также на анализе гибридных ансамблей, при которых человеческие действия гармонично сосуществуют с алгоритмами, инфраструктурами и биотехнологическими процедурами.

Отличие трансгуманизма от постгуманизма проявляется в способе постановки нормативных вопросов. Трансгуманизм ориентирован на рациональность, свободу выбора и индивидуальные права, при этом технология рассматривается как ресурс расширения человеческих возможностей. Постгуманизм, напротив, сосредоточен на критике гуманистического универсализма, ставит под вопрос представление о «нормальном человеке» и о едином образце человеческого, а также подвергает пересмотру границы ответственности в ситуациях, где принятие решений распределено между людьми и техническими системами.

В научной литературе, посвящённой вопросам безопасности, трансгуманизм и постгуманизм рассматриваются как различные теоретические позиции для анализа угроз и ограничений. В трансгуманистских дискуссиях внимание уделяется социально-правовым последствиям вмешательства в природу человека: доступу к технологиям, формированию стандартов, рискам неравенства, изменению критериев полноценного статуса. В постгуманистских дискуссиях в центре внимания находятся вопросы нормативного закрепления и ответственности в процессе усиления значимости алгоритмов и биоинженерии, а также изменение ключевых принципов права и морали по мере трансформации представлений о человеческом.

Итак, настоящее исследование основано на рассмотрении идей и практик трансгуманизма как представляющих угрозу антропологической безопасности. Основная идея трансгуманизма базируется на утверждении, что человек является «биологически недостаточным» [3]. Именно такой подход делает данную теорию несовершенной и часто критикуемой. При этом важно осознавать, что технологии должны не отменять или заменять природу человека, а дополнять и совершенствовать её. Человек должен иметь возможность управлять своим

биологическим началом, совершенствовать его, внедрять прогностические и профилактические практики, продлевая тем самым свою жизнь и делая её более комфортной. В противном случае переход к стадии постчеловека исказит не только биологические начала в человеке, но и социальные.

Повышение потенциала тела — это нужная и полезная функция, которая может улучшить или продлить жизнь человека. Речь идёт об усовершенствовании телесной организации, работы психики, внимания, памяти, эмоциональной регуляции, а также механизмов принятия решений в рутинных ситуациях. При длительном воздействии меняются условия функционирования тела: характер нагрузок, восстановление, сенсорные возможности, болевая чувствительность, подвижность, а также зависимость от обслуживающей инфраструктуры. Среди активно используемых нововведений в области телесных преобразований можно выделить протезы нового поколения и имплантируемые устройства; рациональное и этически оправданное применение достижений биомедицинских технологий (например, использование возможностей генной инженерии для профилактики тяжёлых наследственных заболеваний); фармакологическое усиление и биохимическую регуляцию, которые используются для воздействия на выносливость, уровень тревожности, качество сна, скорость реакции и продуктивность интеллектуального труда; применение нейротехнологий с целью прямого влияния на мозговую активность; воздействие с помощью цифровой среды на когнитивные процессы — внимание, память и коммуникацию; и ряд других.

Важно отметить, что эффективное использование новейших технологий даже для усиления возможностей организма и повышения его жизненных показателей сталкивается с проблемой социальной стратификации технологических преобразований. Это актуально, поскольку техническое усиление распределяется неравномерно — по уровню дохода, месту проживания, доступу к специализированной медицине и сервисам, а также по правовым режимам разных стран. В результате неравный доступ расширяет разрыв возможностей; вместе с ним меняются критерии успеха и нормальности, когда успех всё чаще связывается с наличием технологической поддержки.

При этом, несмотря на позитивное влияние возможностей вмешательства в природу человека, существуют и серьёзные риски. Так, риск подмены человеческой природы имеет место, когда человек отождествляется преимущественно с набором показателей, пригодных для измерения и управления. Речь идёт о таких функциональных критериях, как производительность, предсказуемость поведения, соответствие техническим стандартам. Здесь субъектность человека и его моральный статус

¹ Хейлз Н. К. Как мы стали постлюдьми / пер. Д. Кралечкина; отв. ред. К. Саркисов; ред. С. Наранович. М., V-A-C Press. 2025. 480 с.

² Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара. 2021. 408 с.

³ Wolfe C. What Is Posthumanism? Minneapolis, University of Minnesota Press. 2010. 357 p.

представляются незначимыми и не учитываются, а гуманитарные характеристики выражаются языком технических показателей. Если убрать человека (его объективную природу) из человека, то остро встанет вопрос его ответственности в жизненном пространстве. В этом случае субъектность человека как неотъемлемый атрибут существования изымается у человека, как будто достаточно только изменить (или даже заменить) биологию человека, не обращая внимания на его культурный опыт и духовный потенциал [6].

Человек в цифровой среде оцифровывается и идентифицируется через собранное на него досье, которое состоит из следующих составляющих: следов коммуникации, перемещений, покупок и профессиональной активности. Именно из этих показателей складывается автоматизированная оценка человека-пользователя. В итоге человеческие качества заменяются статистическими корреляциями, а ответственность в цифровом пространстве распределяется между человеком, разработчиком модели, оператором платформы и владельцем сведений.

Этическая сторона трансгуманистических практик в настоящее время заостряется всё сильнее. Это происходит потому, что, в частности, с позиции биотехнологий человек не рассматривается как целостный организм, носитель субъектности и пр., человек здесь — это составная система, части которой подлежат замене и целенаправленному изменению отдельных функций. По мере развития биотехнологических возможностей способность влияния на социальную сферу жизнедеятельности также усиливается. Так, клиническая необходимость в последние годы перестала быть единственным критерием необходимости вмешательства в организм человека, когда его целесообразность может быть продиктована социальным запросом. Например, это может касаться пластических операций и даже имплантации не по медицинским показаниям. Также спорным с этической точки зрения является формирующийся рынок прав на биологические материалы, а также развивающиеся патентование и коммерциализация биомедицинских процедур. Всё это усиливает риск вмешательства в природу человека без острой необходимости и её превращения в объект технологического конструирования.

Также особого внимания заслуживает использование нейротехнологий с целью воздействия на психику, поскольку такие её компоненты, как внимание, личная ответственность, сила воли, мотивация, работа памяти, поведение и ряд других делают человека-пользователя зависимым от новых технологий в сфере нейровлияния и искажают его ответственность, лежащую в основе субъектности.

Концепт антропологической безопасности

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема безопасности, которая тесно пересекается с вопросами антропологии и гуманизма. Так, философ О.М. Ломако справедливо называет эти процессы антропологическим кризисом гуманизма, в процессе развития которого возникает риск утраты человеческого [7, с. 8]. Актуализируется этот кризис посредством возникновения «общества риска» (по У. Беку), для которого обеспечение безопасности (целостности, сохранности, неприкосновенности, невредимости относительно телесности, жизни и собственности) становится возможным только в случае признания уникальности Другого, представляющего собой эффективный способ преодоления антропологического кризиса [8]. Это означает, что современные риски, обусловленные глобальными процессами, способны разрешаться только с помощью объединения усилий всего «глобального общества риска».

В последнее десятилетие, отмеченное усилением рискогенности пространства жизнедеятельности человека, актуализируется самостоятельная область в философии безопасности — антропологическая безопасность, в рамках настоящего исследования обозначающая состояние общественно-нормативного порядка, при котором технологическое преобразование человека способствует сохранению базовых характеристик человеческого существования. Иными словами, ценность человеческой природы здесь является абсолютной, она становится мерилом допустимых изменений человека, это касается его телесной организации, мышления и речи, моральной ответственности, духовного развития, свободы выбора, а также регуляции норм и правил воспроизводимости человека как биологического вида.

Именно поэтому в последние несколько десятилетий наибольшую остроту приобретает вопрос защищённости и стабильности человеческого существования в мире новых технологий [20]. Важно отметить, что антропологическая безопасность не тождественна биологической безопасности, смысл которой сводится к защите человеческого тела от различных неблагоприятий — эпидемий, патогенов, токсинов и иных неблагоприятных для функционирования человеческого организма факторов. Антропологическая безопасность направлена на сохранение «человеческого в человеке», это может касаться, в частности, вопросов допустимости радикальной модификации тела, целенаправленного воздействия на мозговую активность, заранее спланированного изменения наследуемых признаков (генной инженерии), модификации психических функций посредством их замены внешними техническими контурами и мн. др.

Для современного философского знания концепция антропологической безопасности является новым направлением, которое ещё предстоит развивать и дополнять. При этом ключевым принципом здесь должна быть защита антропологической целостности, включающей в себя «сохранение полноценных духовно-нравственных, ценностно-культурных, социально-исторических, эстетических, гражданско-правовых оснований его социального бытия» [12, с. 103]. Взаимодействие человека и техники должно восприниматься и изучаться не как взаимоисключающие явления, а как взаимодополняющие. Вместе с тем человек всегда должен оставаться приоритетным звеном в процессе развития этих взаимодействий.

Для того чтобы главенство человека в сложной системе «человек — техника» сохранилось и имело под собой объективные основания, необходимо руководствоваться принципами так называемой этики ответственности, смысл которой можно раскрыть через категорический императив И. Канта («Поступай так, чтобы максима твоего поведения могла стать всеобщим законом»). В нём обозначена прямая зависимость между совершенным действием и получаемым результатом. Это означает, что по отношению к технике человек всегда остаётся носителем воли, благодаря которой его выбор воспринимается как осознанный и соотносимый с моральными принципами существования. Именно поэтому человек сохраняет доминирующее положение, поскольку несёт ответственность за собственный выбор. При этом для современного человечества особую актуальность начинает приобретать «предупреждающая (перспективная) ответственность», под которой следует понимать оценивание действий до их совершения [9, с. 27]. Что это означает? Во-первых, признание последствий от принимаемых решений в сфере вмешательства в человека (в самом широком его понимании) дальнесрочными. Во-вторых, необходимость подвергать моральной оценке все предпринимаемые вмешательства. В-третьих, учёт усиливающейся взаимозависимости элементов, явлений, процессов в различных сферах взаимодействий в мире и непредсказуемость последствий вмешательства хотя бы в одну из них. В-четвёртых, признание неполноты имеющегося у человечества знания, делающего совершение ошибки более вероятной, как это произошло на Чернобыльской АЭС [4, с. 12]. Резюмируя все сложности и ограничения современного мира и опираясь на ключевой принцип категорического императива И. Канта, американский философ-экзистенциалист Г. Йонас заключил: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле»¹.

¹ Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс. 2004. 480 с.

Таким образом, этическое измерение становится фундаментальным основанием антропологической безопасности, препятствующей набирающим обороты процессам дегуманизации. Однако также важно не допустить создания необъективных преград для развития научного знания и совершенствования медицинских технологий [13], то есть соблюдать баланс осторожности и технологического прогресса.

Итак, защита человека в рамках антропологической безопасности включает как охрану его биологического существа от чрезмерных вмешательств, так и многие другие аспекты, в том числе социальное, ментальное, духовное и культурное измерения существования человека. Одной из ключевых составляющих структуры антропологической безопасности является её культурный аспект, направленный на сохранение культурных форм существования и жизнедеятельности нации, традиций, языка, исторической памяти, институтов образования и воспитания, а также культурных общепризнанных норм. Обеспечение антропологической безопасности направлено на создание условий сохранения человека как носителя речи, мировоззрения, идентичности, морального долга и ответственности. Тем самым в рамках антропологической безопасности минимизируются угрозы, связанные с модификацией культурных оснований человека как носителя культуры, когда внедряемые технические решения трансформируют его потенциал в процессе культурной деятельности.

Итак, философская традиция позволяет под разными ракурсами рассматривать сложную структуру пространства человеческого существования, то есть антропологический уровень бытия. Так, М. Шелер² подчёркивает специфику человеческого как духовно-нравственного измерения, которое нельзя сводить к биологическим функциям. В свою очередь, Х. Плеснер³ рассуждает о пограничном характере человека, содержащем в себе как природные, так и культурные компоненты. Тогда как А. Гелен⁴ отмечает зависимость человеческого существования от институциональных форм, с помощью которых, считает философ, компенсируется имеющаяся у человека природная недостаточность. При этом Э. Кассирер⁵ убеждён, что

² Шелер, М. Проблема человека в западной философии. Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича. Общ. ред. Ю. Н. Попова. М., Прогресс. 1988. 552 с.

³ Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. СПб., Центр гуманитарных инициатив. 2024. 368 с.

⁴ Гелен А. О систематике антропологии. 1-е изд. М., Прогресс. 1988. 152 с.

⁵ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / пер. А. Н. Муравьёва // Проблема человека в западной философии. Переводы / пер. сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М., Прогресс. 1988. С. 3–30.

в качестве основания культуры выступают символы, усиливающие способности человека. Тем самым можно заключить, что под антропологической безопасностью необходимо понимать высокий уровень защищённости человека на всех уровнях его бытия, включая первичные способности и пределы, охрану культурного наследия и ментальное благополучие. Иными словами, антропологическая безопасность в XXI веке направлена на управление принципами, затрагивающими человеческую природу, среди которых устанавливаемые (в том числе с морально-этической точки зрения) пределы допустимого воздействия на природу человека; вводимые условия сохранения моральной ответственности и свободы выбора в отношении возможных модификаций; однозначные требования и критерии к вопросам воспроизводства человека как биологического вида; признание недопустимости технологической подмены человеческих качеств функциональными параметрами.

Философия безопасности сосредоточена на сохранении антропологического статуса, а также на обязательном управлении им в случае его изменения. Антропологический статус включает в себя человеческое достоинство, свободу выбора, нравственность, ответственность и правоспособность, представляющие собой в совокупности определённый образ человека, закреплённый в культуре, праве и морали.

Ценность человека (по И. Канту) определяется не его полезностью или функциональностью, а тем, что человек является носителем разума и морального закона. Таким образом, рассуждать о человеке только с позиции его природной (биологической) данности недопустимо, поскольку бытие человека намного шире и включает в себя осмысленность, речь (объёмные коммуникативные навыки), волю, подчинённость нормам и исходящую из этой подчинённости ответственность, а также способность выходить за пределы природных импульсов и контролировать их.

Телесность занимает центральное место в вопросах, касающихся антропологической безопасности. Все технические модификации и усовершенствования затрагивают в первую очередь именно тело. При этом не меньшую значимость имеет уровень сознания, которое находится под воздействием нейротехнологий и цифровых способов управления вниманием, позволяющих влиять на постановку цели, формирование мотива, следование намерению, принятие решений и ответственность за предпринимаемые действия. Таким образом, внешнее воздействие на мотивацию, восприятие, память, волевые составляющие, возможность контролировать собственные поступки и впоследствии отвечать за них актуализует проблему авторства совершаемых действий, которая вместе с тем дополняется проблемой

правовой (юридической) ответственности. Именно поэтому в современной философии безопасности важным является вопрос о сохранении возможности морального выбора при наличии внешнего технического вмешательства, поскольку моральная ответственность сохраняет способность личности осознавать смысл действия, признавать действие своим и отвечать за его последствия [21].

Стремление к оптимизации всех сторон бытия человека затрагивает и его самого. В результате современный мир сталкивается с риском сведения человека к измеряемой функции, по итогам анализа которой принимаются решения о допуске к труду, образованию, услугам и социальным гарантиям. Измеряемый человек становится проще и понятнее, он легче поддается управлению, а его ценность начинает рассматриваться с точки зрения полезности, соответствия техническим стандартам и задачам оптимизации. При этом духовно-нравственная и культурная составляющие человека становятся второстепенными.

Безопасность личности по-прежнему является абсолютной ценностью, однако решение этой фундаментальной проблемы в XXI веке серьёзно трансформируется под влиянием различных процессов, в том числе технологического развития. Философ С.И. Чудинов предлагает различать безопасность человека как необходимость соблюдения его гражданских прав, витальных и социальных интересов и безопасность личности как защиту культурных и метафизических сторон безопасности человека [15, с. 36]. Иными словами, под безопасностью личности следует понимать именно её духовные составляющие. При этом, отмечает исследователь, современный человек, адаптируясь к необходимости сохранения традиций и опыта прошлых поколений и вместе с тем обязательного развития и совершенствования, должен соблюдать баланс в своей духовной жизни, избегая как фатализма, так и онтологического волюнтаризма.

Итак, ключевой задачей антропологической безопасности является сохранение духовно-нравственного и культурного пространства общественной жизни, то есть качества жизни человека. Обращение внимания на эти вопросы выводит их обсуждение за пределы медицинского регулирования, поскольку они также серьёзно затрагивают сферы образования и воспитания, деятельность религиозных общин и традиционных конфессий, культурную политику, работу комитетов по этике, необходимость правового регулирования нейро- и биотехнологий, а также защиты прав человека в цифровой среде. Серьёзного обсуждения заслуживают вопросы, касающиеся норм, которые ограничивают возможности принуждения к применению технологий, провозглашают право на отказ от их использования и закрепляют статус личности как носителя ответст-

венности и морального выбора.

Практика обеспечения антропологической безопасности

Современное общество находится под влиянием множества опасностей и рисков, в результате воздействия которых остро встаёт вопрос о разработке и внедрении практик по обеспечению антропологической безопасности и защите человека от несанкционированного и/или чрезмерного внедрения нейро-, био- и цифровых решений [2]. Так, серьёзное влияние на антропологическую безопасность оказывают биотехнологии, они затрагивают разные сферы общественной жизни:

- демографию за счёт управления репродуктивными возможностями человека как биологического вида и внедрения медицинских практик для продления жизни;
- область культурного развития, в котором подлежат трансформации представления о телесности, болезни и «нормальности», при этом существенно меняется вовлечённость общества в эти процессы (например, при создании инклюзивной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья) и его ответственность;
- национальный менталитет как основу существования социума, в котором наблюдается изменение представлений о естественном течении жизни. Например, современные носители национального менталитета всё меньше проявляют такое качество, как смирение и доверие к законам жизни, поскольку в настоящее время управляемость становится приоритетом¹.

Принципиальным становится неравная доступность населения к последним достижениям медицины и в целом биоиндустрии. Всё это создаёт существенные риски усиления социальной стратификации, основанием для которой будут медицинские характеристики и биоданные [22]. Так, сложные ситуации у человека могут возникать при взаимодействии с работодателем или страховой компанией, так как доступ к сведениям о здоровье может приводить к проведению отбора, ограничению гарантий и изменению условий труда. Именно по причине проникновения новых технологий во все сферы жизнедеятельности человека и общества актуализируется вопрос об институционализации антропологической безопасности для чёткого структурирования данной категории, повышения её управленческого

потенциала, а также для разработки системы целей, принципов и критериев, становящихся частью стратегии национальной безопасности.

Структуру антропологической безопасности можно условно разделить на две составляющие: защита телесности и сохранение духовности [16]. Причём существование второго элемента и угроз ему стало возможным благодаря тотальному распространению цифрового общества. Тем самым внедрение в практику принципов обеспечения антропологической безопасности должно быть реализовано сразу по двум этим направлениям, пренебрежение хотя бы одним из них недопустимо. При этом обеспечение антропологической безопасности в сфере институционального регулирования базируется на двух ключевых задачах: формировании нормативного образа допустимых технологических преобразований человека и создании механизмов выявления рисков при внедрении нейро-, био- и цифровых решений [5]. Эти меры направлены на идентификацию и устранение негативных антропологических последствий, которые вероятны при вмешательстве в антропологическую сферу.

По мере развития новейших технологий важно придерживаться принципов обеспечения антропологической безопасности, чтобы сформулированные технологические цели находились в пределах допустимых изменений человеческой природы и были направлены на сохранение моральной ответственности личности. При институционализации процесса обеспечения антропологической безопасности важно придерживаться комплексного подхода, который включает в себя пять ключевых направлений: 1) нормативное, которое реализуется в правовой сфере и защищает человека с юридической точки зрения; 2) экспертное, деятельность которого сосредоточена на применении междисциплинарного знания для подготовки различных экспертиз и заключений по происходящим процессам с высокими рисками; 3) прогностическое, имеющее высокий практический потенциал при предварительной оценке возможных антропологических последствий, в том числе негативных; 4) индикативное, с помощью его инструментов осуществляется контроль над внедрением и реализацией новейших технологий, угрожающих антропологической безопасности; 5) международное в сфере правового регулирования и технологического контроля, значимость которого определяется нарастающей взаимосвязью глобальной кооперации в медицине, науке, а также стремительным развитием трансграничных рынков [19].

Итак, для современного общества заключение антропологической безопасности в институциональные рамки является важной задачей по реализации стратегии национальной безопасности в целом от трансгуманитарных рисков. При этом важен комплексный подход,

¹ Чудинов, С. И., Щекотин, Е. В., Соина, О. С., Казначеев, Д. А. Антропологическая безопасность: концептуальные и прикладные аспекты: коллективная монография. Пенза, Научно-издательский центр «Социосфера». 2024. 99 с.

в пределах которого происходит согласование стратегического и отраслевого уровней регулирования.

Таким образом, обеспечение антропологической безопасности в практической плоскости должно быть полностью в ведении государства, которое располагает различными инструментами ограничения и контроля. Среди них — запреты на отдельные практики, действующие режимы лицензирования и допуска, специальные требования к клиническим исследованиям, обязательные экспертные заключения по направлениям высокого риска, уголовно-правовые запреты при нарушении добровольности согласия, а также требования к прозрачности алгоритмов и хранению медицинских сведений. При этом важно оставлять обсуждение подобных вопросов в публичном поле во избежание недоверия и подозрений со стороны общества, а также подвергать все принимаемые в данной сфере вопросы этической экспертизе.

Заключение

Антропологическая безопасность является самостоятельным предметом философии безопасности, который приобретает особую актуальность в условиях трансгуманистических угроз. Идеи трансгуманизма позиционируются как прорыв в жизни человека и как преодоление его объективных ограничений, однако у таких вмешательств не может быть безграничного и бесконтрольного практического применения.

Трансгуманизм поднимает вопросы антропологической безопасности — сохранения человеческого в человеке. Это направление философской мысли остро ставит проблему объективации человека, когда человек рассматривается с позиции своей функциональности и физического потенциала. При этом нематериальная сущность человека зачастую выпадает из подобных дискуссий по причине своей субъективности, неverifiedируемости и сложности.

Трансгуманисты стремятся изменить человека, его природу, усилить его физические, когнитивные потенциалы. Однако подобные вмешательства покушаются на целостность человека, его субъектность, уникальность, духовность, ответственность и моральность. Именно такие вмешательства и создают риски антропологической безопасности в современном мире. С одной стороны, улучшение физических параметров не может считаться полноценным улучшением человека как «единства души и тела» [17]. С другой — утверждение Д. Хаксли о том, что, следуя идеям трансгуманизма, человек остаётся человеком, противоречит реальности. По мнению учёного, человек просто превосходит себя посредством использования новых возможностей и воздействует с

их помощью на собственную природу, однако воздействие на психику, память, когнитивные возможности даже с целью их улучшения не может гарантировать добровольность, свободу волеизъявления, ответственность (за последствия) и независимость принимаемых решений.

Настоящее исследование затрагивает назревающие проблемы антропологической безопасности в эпоху трансгуманизма, особое внимание обращено на то, что её обеспечение должно быть поэтапным и комплексным и опираться не только на институциональные инструменты (правовые, политические, социально-экономические), но и неинституциональные (этические, ментальные, духовные). При этом ключевой целью обеспечения антропологической безопасности является сохранение единства и целостности человека. Тем самым человек, обладающий всеми атрибутами субъектности (разумом, ответственностью, достоинством и свободой), становится центральным звеном антропологической безопасности. Более детальное изучение данных характеристик в дальнейшем может стать отдельными предметами будущих научных исследований в рамках общей темы — антропологической безопасности в условиях современных угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аракелян, А. М., Воронцова, Ю. В. Анализ изменения традиционного алгоритма формирования рисков в трансгуманистической концепции / А. М. Аракелян, Ю. В. Воронцова // Московский экономический журнал. — 2024. — Т. 9, № 3. — С. 542–555. — DOI 10.55186/2413046X_2024_9_3_165. — EDN SKHMGY.
2. Баева, Л. В. Влияние цифровизации образования на человека в контексте проблемы безопасности / Л. В. Баева // Философия образования. — 2020. — Т. 20, № 2. — С. 131–144. — DOI 10.15372/PHE20200209. — EDN XXFKPD.
3. Желнин, А. И. Идея «биологической недостаточности» человека как фундамент трансгуманизма и её критический анализ / А. И. Желнин // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 3 (250). — С. 86–92. — DOI 10.5862/JHSS.250.10. — EDN XHRGTH.
4. Качалов, Р. М. Управление хозяйственным риском / Р. М. Качалов. — М.: Наука, 2002. — 192 с. — EDN RPNWVB.
5. Колин, К. К. Структура и приоритеты глобальной безопасности / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. — 2017. — № 4 (16). — С. 13–33. — EDN NPOHQJ.
6. Кононова, Е. С. Бегство человека от субъектности / Е. С. Кононова // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). — 2025. — № 1 (31). — С. 86–94. — DOI 10.33979/2587-7534-2025-1-86-94. — EDN EWQNOV.
7. Ломако, О. М. Антропологический кризис гуманизма в современном обществе риска: методологический анализ / О. М. Ломако // Цивилизация — Общество — Человек. — 2018. — № 6–7. — С. 7–9. — EDN GLNGIR.
8. Ломако, О. М. Антропологический кризис в обществе риска: философский анализ / О. М. Лома-

ко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2019. — Т. 23, № 1. — С. 66–73. — DOI 10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73. — EDN MMGIYE.

9. Пешков, А. И., Тимофеев, А. И. Этика ответственности и современное технологическое развитие / А. И. Пешков, А. И. Тимофеев // Научное мнение. — 2021. — № 12. — С. 26–31. — DOI 10.25807/2224378_2021_12_26. — EDN ETPVQV.

10. Плотникова, Т. В., Волохова, Е. В. Концептуализация проблемы трансгуманизма в современном философском дискурсе / Т. В. Плотникова, Е. В. Волохова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2024. — Т. 17, № 2. — С. 219–228. — DOI 10.17213/2075-2067-2024-2-219-228. — EDN BCFLSM.

11. Сидоров, П. И., Совершаева, Е. П. Синергетическая биопсихосоциодуховная концепция ментальных эпидемий психосоматозов / П. И. Сидоров, Е. П. Совершаева // Экология человека. — 2015. — № 10. — С. 18–26. — EDN UMDFGD.

12. Соина, О. С., Чудинов, С. И. Антропологическая безопасность: концептуальные и прикладные аспекты / О. С. Соина, С. И. Чудинов // Социосфера. — 2024. — № 4. — С. 102–105. — EDN SNHZNK.

13. Тюлякова, С. А. Биоэтика как гарант антропоцентричности современного научно-технического развития / С. А. Тюлякова // Россия: общество, политика, история. — 2023. — № 2 (7). — С. 98–111. — DOI 10.56654/ROPI-2023-2(7)-98-111. — EDN GMOVE.

14. Черникова, И. В. Проблема самопонимания человека в эпоху вызовов технологически развивающегося мира / И. В. Черникова // Гуманитарный вектор. — 2023. — Т. 18, № 2. — С. 133–141. — DOI 10.21209/1996-7853-2023-18-2-133-141. — EDN WIUCAN.

15. Чудинов, С. И. «Общество риска» и духовные аспекты безопасности личности в социально-философском ракурсе / С. И. Чудинов // Образование и духовная безопасность. — 2019. — № 1 (7). — С. 36–40. — EDN OPRGRF.

16. Чудинов, С. И. От культуры информационной безопасности к концепции антропологической безопасности / С. И. Чудинов // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. — 2024. — S5. — С. 46–48. — EDN JDMKPQ.

17. Чупров, А. С. Человек как единство души и тела / А. С. Чупров // Социум и власть. — 2017. — № 4 (66). — С. 96–101. — EDN ZWQSDZ.

18. Эпштейн, М. Н. Тело на перекрёстке времён. К философии осязания / М. Н. Эпштейн // Вопросы философии. — 2005. — № 8. — С. 66–82. — EDN HSGEEZ.

19. Aradau, C., Huysmans, J. Critical methods in international relations: the politics of techniques, devices and acts / C. Aradau, J. Huysmans // European Journal of International Relations, online 30 May. — DOI 10.1177/1354066112474479.

20. Goldstein, D. Toward a Critical Anthropology of Security Comment / D. Goldstein // Current Anthropology. — 2010. — No 51 (4). — P. 487–517. — DOI 10.1086/655393.

21. Jarmoszko, S. Human Security in Anthropology of Security Perspective: A Re-conceptualisation Attempt / S. Jarmoszko // Journal of Human Security. — 2020. — No 16. — P. 58–70. — DOI 10.12924/johs2020.16010058. — EDN FCRUFT.

22. Samimian-Darash, L., Stalcup, M. Anthropology of security and security in anthropology: Cases of counterterrorism in the United States / L. Samimian-Darash, M. Stalcup // Anthropological Theory. — 2016. — No 0 (0). — P. 1–28. — DOI 10.1177/1463499616678096.

REFERENCES

1. Arakelyan, A. M., Vorontsova, Yu. V. (2024) Analysis of changes in the traditional algorithm of risk formation in the transhumanist concept. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*, vol. 9, no. 3, pp. 542–555. https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_3_165. <https://elibrary.ru/ckhmgv>.

2. Baeva, L. V. (2020) The impact of digitalization of education on the human being in relation to the problem of security. *Filosofiya obrazovaniya*, vol. 20, no. 2, pp. 131–144. <https://doi.org/10.15372/PHE20200209>. <https://elibrary.ru/xxfkpd>.

3. Zhelnin, A. I. (2016) The idea of human “biological insufficiency” as a foundation of transhumanism and its critical analysis. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 3(250), pp. 86–92. <https://doi.org/10.5862/JHSS.250.10>. <https://elibrary.ru/xhrghth>.

4. Kachalov, R. M. (2002) Managing Economic Risk. Moscow, Nauka, 192 p. <https://elibrary.ru/rpnwvb>.

5. Kolin, K. K. (2017) Structure and priorities of global security. *Strategicheskie priority*, no. 4(16), pp. 13–33. <https://elibrary.ru/npoqhj>.

6. Kononova, E. S. (2025) The human being's flight from subjectivity. *ABYSS (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noi antropologii)*, no. 1(31), pp. 86–94. <https://doi.org/10.33979/2587-7534-2025-1-86-94>. <https://elibrary.ru/ewqnov>.

7. Lomako, O. M. (2018) The anthropological crisis of humanism in the contemporary risk society: a methodological analysis. *Tsivilizatsiya — Obshchestvo — Chelovek*, no. 6–7, pp. 7–9. <https://elibrary.ru/glngir>.

8. Lomako, O. M. (2019) The anthropological crisis in the risk society: a philosophical analysis. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya*, vol. 23, no. 1, pp. 66–73. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73>. <https://elibrary.ru/mmmgiye>.

9. Peshkov, A. I., Timofeev, A. I. (2021) The ethics of responsibility and contemporary technological development. *Nauchnoe mnenie*, no. 12, pp. 26–31. https://doi.org/10.25807/2224378_2021_12_26. <https://elibrary.ru/etpvqv>.

10. Plotnikova, T. V., Volokhova, E. V. (2024) Conceptualizing the problem of transhumanism in contemporary philosophical discourse. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*, vol. 17, no. 2, pp. 219–228. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-219-228>. <https://elibrary.ru/bcflsm>.

11. Sidorov, P. I., Sovershaeva, E. P. (2015) A synergetic bio-psycho-socio-spiritual concept of mental epidemics of psychosomatoses. *Ekologiya cheloveka*, no. 10, pp. 18–26. <https://elibrary.ru/umdfgd>.

12. Soina, O. S., Chudinov, S. I. (2024) Anthropological security: conceptual and applied aspects. *Sotsiosfera*, no. 4, pp. 102–105. <https://elibrary.ru/snhznk>.

13. Tyulyakova, S. A. (2023) Bioethics as a guarantor of anthropocentricity in contemporary scientific and technological development. *Russia: society, politics, history*, no. 2(7), pp. 98–111. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2\(7\)-98-111](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-2(7)-98-111). <https://elibrary.ru/gmobeve>.

14. Chernikova, I. V. (2023) The problem of human self-understanding in an era of challenges posed by a technologically developing world. *Humanitarian Vector*, vol. 18, no. 2, pp. 133–141. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-2-133-141>. <https://elibrary.ru/wiucan>.

15. Chudinov, S. I. (2019) “Risk society” and the spiritual aspects of personal security in a socio-philosophical perspective. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'*, no. 1(7), pp. 36–40. <https://elibrary.ru/>

oprgrf.

16. Chudinov, S. I. (2024) From the culture of information security to the concept of anthropological security. *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnogo i nauchno-tekhnicheskogo znaniya*, no. 55, pp. 46–48. <https://elibrary.ru/jdkmpq>.

17. Chuprov, A. S. (2017) The human being as a unity of soul and body. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 4(66), pp. 96–101. <https://elibrary.ru/zwqsdz>.

18. Epshtein, M. N. (2005) The body at the crossroads of times. Toward a philosophy of touch. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 66–82. <https://elibrary.ru/hsgeez>.

19. Aradau, C., Huysmans, J. (2014) Critical methods in international relations: the politics of techniques, devices and acts. *European Journal of International Relations*, vol. 20, no. 3, pp. 596–619. <https://doi.org/10.1177/1354066112474479>.

[org/10.1177/1354066112474479](https://doi.org/10.1177/1354066112474479).

20. Goldstein, D. (2010) Toward a Critical Anthropology of Security Comment. *Current Anthropology*, vol. 51, no. 4, pp. 487–517. <https://doi.org/10.1086/655393>.

21. Jarmoszko, S. (2020) Human Security in Anthropology of Security Perspective: A Re-conceptualisation Attempt. *Journal of Human Security*, vol. 16, no. 1, pp. 58–70. <https://doi.org/10.12924/johs2020.16010058>. <https://elibrary.ru/fcruft>.

22. Samimian-Darash, L., Stalcup, M. (2017) Anthropology of security and security in anthropology: cases of counterterrorism in the United States. *Anthropological Theory*, vol. 17, no. 1, pp. 60–87. <https://doi.org/10.1177/1463499616678096>.

For citing: Kovalev, A. A. (2026)
Anthropological security in the era
of transhumanism.
Sotsium i vlast/Society and Power, 23 (1), pp. 76–87.
<https://elibrary.ru/koxnug>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN KOXNUG
HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7
UDC 1:004

**ANTHROPOLOGICAL
SECURITY IN THE ERA
OF TRANSHUMANISM**

Andrey A. Kovalev,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Northwestern Management Institute — branch,
Associate Professor of the Department
of Public and Municipal Administration,
Cand.Sc. (Political Sciences), Associate Professor.
Saint-Petersburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-7760-5732
Researcher ABN-1776-2022
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

Introduction. Recent technological changes are becoming pervasive, affecting not only social structures but also human nature itself, including its biological and mental foundations. This creates a fundamentally new security threat, the impact of which poses a high risk of losing the integrity of human nature. This is happening under the influence of neurotechnology, genetic engineering, bioprosthetics, and various digital practices. Thus, there is a need to develop and study a new category—anthropological security—that goes beyond bioethics and aims to protect humans as a species, that is, as biological beings.

The aim of the study is to uncover the philosophical content of anthropological security, influenced by modern innovations such as transhumanism, and its significance for the future of society.

Methods. The research methods used were an evolutionary approach, hermeneutics, comparative methods, and the dialectical method.

Scientific novelty of the study. The study contributes to the development of a new direction in contemporary philosophical thought—anthropological security. The paper examines new risks and threats to anthropological security in the context of transhumanism and explores the possibilities of overcoming them, for example, through the institutionalization of anthropological security.

Results. The world of new technologies is changing humanity, and transhumanism is a direct consequence. Therefore, modern humanity is objectively faced with the task of creating a new culture of interaction between humans and technology, while excluding both their complete fusion and the total rejection of ongoing, natural changes. In this regard, the paper examines the problem of ensuring anthropological security as a means of organizing the progressive and harmonious development of humans in new conditions and preserving the human element in humans. It is noted that an important stage in this process is the development and implementation of practical methods for preserving humans and all aspects of their nature (physical, mental, psychological, cultural, etc.).

Conclusions. In studying the problem of anthropological security in the era of transhumanism, it is noted that its implementation must be gradual and comprehensive, based on both institutional and non-institutional tools. The key goal of ensuring anthropological security is to preserve the unity of human nature and the integrity of humans themselves. Thus, the human being, possessing all the attributes of subjectivity (reason, responsibility, dignity, and freedom), becomes the central link in anthropological security.

KEYWORDS

human nature,
threats,
transhumanism and posthumanism,
superhuman,
humanity and technology,
institutionalization,
ethics

CONFLICT OF INTEREST

The author declares that there is no conflict of interest.

USE OF AI TOOLS

The author declares that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 13.12.2025

Reviews received: 03.02.2026

Accepted for publication: 20.02.2026

Copyright: © Kovalev A. A. (2026).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.
Open access under CC BY-N